
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

Р. М. ЗИГАНЬШИН

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВА *

В статье рассматривается феномен праздников, в первую очередь – государственных, их роль, место и значение в исторической ретроспективе, особенно во времена СССР и Новой России, их эволюция и трансформация как идейно-психологическая реакция общества на социально-политические перемены в государстве. Рассматриваются в первую очередь государственные праздники, их взаимоотношения с церковно-религиозными, замещение одних другими.

Ключевые слова: праздники, СССР, Россия, государство, перемены.

Праздник – одна из важнейших форм общественной жизни и культуры любого народа. В древности регулярные и экстраординарные праздники играли гораздо более важную роль, чем в Новое время. Теперь разнообразные светские праздники по большей части превратились в декоративный элемент быта города и деревни, а в Античности любые праздники всегда так или иначе были связаны с религией. Они консолидировали людей перед лицом почитаемых отеческих богов и составляли структурообразующий фактор обще-

* **Для цитирования:** Зиганьшин, Р. М. 2023. Советские праздники как социально-психологический и идеологический индикатор общества. *Историческая психология и социология истории* 2: 91–102. DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.05.

For citation: Ziganshin, R. M. 2023. Soviet Holidays as a Socio-Psychological and Ideological Indicator of Society. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 2: 91–102 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.05.

Историческая психология и социология истории 2/2023 91–102
DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.05

ственной жизни. Современные ученые признают, что изучение того, как проводились праздники и как относились к ним все члены общества, характеризует народ не меньше, чем исследование его политической, экономической или военной истории (Маринович 1998: 295).

В греческих полисах периода Античности праздники выполняли важную социально-политическую и религиозную функцию. Они жестко регулировались и регламентировались, за их проведение и организацию отвечали специально отобранные и обученные люди. Полисные, а значит, общественно-политические праздники, как правило, посвящались богам – покровителям полиса. Частным образом гражданин полиса имел право поклоняться любым мифологическим богам и героям, каким хотел, что было его личным делом. Но в государственных полисных праздниках он должен был участвовать в обязательном порядке. Это было показателем его патриотизма, верности полису, его норм, традиций и лояльности существующей власти. Неучастие же в полисных праздниках осуждалось, порицалось и строго наказывалось – например, изгнанием из полиса или даже смертной казнью.

Вообще праздник как миропонимание есть особая модель формирования картины мира, которая и ритуализирует сознание, и ранжирует социальную жизнь, и производит эмоциональную зарядку-разрядку, и объединяет людей (Ванченко 2008: 379). Феномен праздника, по своей сути являясь признанным институционализированным феноменом культуры, неслучайно обладает качествами одной из сложнейших, даже уникальных в своем роде систем социокультурной деятельности. В связи с современной мировой тенденцией к гуманизации, с ростом социальных притязаний на повышение качества жизни, когда техники воздействия на человека через страх, отчаяние и истерию становятся все менее популярными, возникает необходимость в исследовании именно праздника как самого древнего и устойчивого к общественным реконструкциям порождения человеческой культуры. Именно праздник выполняет важнейшие социальные и культурные функции: он может служить в качестве инструмента социализации и инкультурации, являясь видом социального капитала; позволяет реализовать потребности в отдыхе и проживать эмоционально иначе окрашенную коммуникацию, которая выводит из одиночества и дарует совместную радость вне серых будней; создает условия для общественного обновления и мн. др. (Лаврикова 2015: 3). К этому можно добавить,

что праздники некоторым образом способствовали упорядочиванию времени, которое без составления праздничного календаря в глазах людей Античности (да и современных тоже) было бы хаотичным и неорганизованным, поскольку тогда еще не было разделения на дни недели с выходным в воскресенье. Таким образом, можно сказать, создание и организация системы праздников было в сознании людей одним из элементов и способов преобразования Хаоса в Космос.

Особое значение в древних культурах имели так называемые «земледельческие праздники», также оказавшие влияние на праздничный календарь. Они были основаны на наблюдениях за солнцем, четырьмя его положениями, которые легли в основу определения праздничных дат. Например:

25 декабря – зимний солнцеворот, откуда берет начало прибавление светового дня. С ним связаны праздники: Рождество Коляды – бога Солнца, у других народов – Митры, Кюна и т. д.

22–24 июня – летний солнцеворот, убавление светового дня. Это праздник Ивана Купалы, Иванов день и т. д.

21 марта – день весеннего равноденствия.

23 сентября – день осеннего равноденствия.

Дни весеннего и осеннего равноденствия были основами для определения начала нового года у большинства народов мира. Впрочем, не все праздники зависели от астрономических явлений. Например, некоторые древнеегипетские праздники были связаны с разливами Нила, хотя Древний Египет известен довольно продвинутыми познаниями в астрономии, что не всегда можно объяснить исключительно земледельческими потребностями.

Полисные (государственные) праздники античных и других древних культур как исторический феномен имеют, как правило, религиозно-мифологическое происхождение. Они выражаются как почитание богов – покровителей полиса, племени, рода, принесение им дани в виде жертвоприношений, массовых гуляний, шествий и спортивных игр – состязаний. Что касается частных семейных праздников, они также, как правило, имеют религиозно-мифологическое происхождение в виде поклонения богам – покровителям отдельно взятого рода и семьи, но также в виде почитания значимого выдающегося предка. Например, в Античности у греков и римлян был сильно развит культ поклонения *манам* – духам предков. Аналогичный культ мы можем увидеть также в Древнем Китае, где он был развит еще больше и эволюционировал далее в культ Неба,

имеющий там важнейшее государственное значение. Здесь мы можем, между прочим, отметить эволюцию частных семейных культов и праздников в государственные, но при этом не можем теоретически исключать и обратный процесс. Например, при смене существующей власти, династии какая-либо семья может тайно отмечать прежние государственные праздники. Проецируя это на Россию, можем в качестве примера привести тайное отмечание после 1917 г. некоторых праздников царской России частным образом, а после 1991 г. – уже не тайное празднование 7 ноября, поскольку сейчас за это не предусматривается наказания и репрессий.

Государственный праздник является специфической культурной формой функционирования государственных идей и идеологий, событием, в котором проясняются и обыгрываются значимые для коллективной идентичности смыслы, значения, оценки. Государственные праздники Нового и Новейшего времени в качестве своей сюжетно-смысловой основы имеют исторические события, которые в силу многих причин воспринимаются как особенно значимые для рождения государства и его существования. События, положенные в основу государственных праздников, считаются выдержавшими проверку временем, достойными того, чтобы память о них передавалась следующим поколениям (и в этом смысле их можно считать историческим наследием) (Макашова 2014: 3). Государственный праздник может быть понят, по выражению Э. Хобсбаума, как феномен «изобретенной традиции», в которой квазирелигиозным смыслом наделяются события истории государства (Там же: 5). Государственный праздник является формой культурной памяти, благодаря которой закрепляется мифологизированная интерпретация ряда исторических событий, особенно значимых для государственной истории. Календарь государственных праздников представляет собой комплекс прецедентных событий государственной истории и исторический нарратив, апелляция к которому формирует осознание государственной принадлежности как общности исторической судьбы. Ежегодное празднование исторических дат способствует активизации интерпретационных усилий. С помощью системы государственных праздников страны происходят репрезентация оснований государственности и легитимация существующей политической власти. Государственный праздник, имеющий адресацию к прошлому, отвечает на проблемы настоящего и дает возможность строить перспективу на будущее. Смена акцентов в интерпретации исторических событий, вовлеченных в содержательную про-

грамму и ритуально-обрядовый комплекс праздника, может служить индикатором актуальной политики государства, ее символической поддержкой (Макашова 2014: 6).

В этом ключе нам очень важно рассмотреть советские праздники, которые имели революционно-идеологический смысл, что, разумеется, отражалось на их внешне-формальном оформлении и атрибутике (а также их трансформации в Новой России). Они являлись одним из факторов освящения революции, государственной идеологии и советской власти, были оформлены соответствующими ритуалами и церемониями. Советские праздники и памятные даты, как правило, посвящались событиям недавней «славной» революционной истории, жизни и деятельности классиков марксизма, революционных вождей, героев и государственных деятелей. Таким образом, можно сказать, что в советской истории «обновлялись» святые и пророки, которые более или менее гармоничным образом входили в новый праздничный календарь. В чем-то происходило наложение на прежний праздничный календарь дореволюционной России, а в чем-то этот привычный для граждан России календарь приходилось «ломать». Кроме того, процедура и внешнее оформление празднования (можно сказать, «ритуал») во многом заимствовалось из прежних праздников, шло по их образцу. Это происходило по причине того, что, видимо, процесс проведения праздников не только глубоко отложился в сознании людей, но и в их бессознательном, в том числе коллективном, закрепились, что «именно так следует отмечать и проводить праздники». Стоит отметить, что церковные праздники также накладывались на языческие, поскольку христианство для более успешной адаптации к местной среде вынуждено было вбирать в себя некоторые элементы язычества. Например, Рождество Христово наложились на Колядки, Вход Господень в Иерусалим на Вербное воскресенье, Троица на Зеленые Святки, Рождество Иоанна Предтечи на Ивана Купалу и т. д. Кстати говоря, подобный путь проделал также ислам на Ближнем и Среднем Востоке, когда он вобрал в себя некоторые местные языческие элементы, прежде всего зороастризма, также для лучшей адаптации к местной среде...

Основными новациями в празднике советского периода, как отмечает В. Н. Попова, являлись: антирелигиозность (вытеснение традиционных религиозных праздников); массовость; окончание социалистических соревнований, приуроченное к праздничным дням; праздники как выражение государственной идеологии; принуди-

тельность (явки на демонстрации обязательны). В то же время в советском празднике можно обнаружить и некоторые традиционные черты:

– демонстрации и шествия напоминают религиозные крестные ходы (хоругви заменены изображениями вождей); несмотря на отрицание религии в целом и ее влияния на общество, некоторые праздничные формы, характерные для православной культуры, были сохранены;

– центральной фигурой праздника является фигура вождя, как и в дореволюционной России – царя. Еще одна аналогия: в конце существования обоих режимов (царского и советского) поставленная в центр фигура царя/вождя уже не способствовала сплочению общества;

– так называемая советская обрядность обыгрывает основные жизненные вехи и строится по аналогии с традиционными обрядами, хотя и приобретает новое наполнение в соответствии с идеологией;

– используются традиционные формы праздника (игрища, театральные представления, народные гуляния) (Попова 2017: 47–48).

Советский праздничный календарь, таким образом, полностью должен был отменить и заменить православный религиозный календарь дореволюционной России, тем более на фоне непримиримой борьбы новой власти с религией. Однако некоторые новые праздники накладывались на прежние религиозные, постепенно вытесняя и заменяя их, так же как и государственные нерелигиозные праздники прежней царской России. Тем не менее история Советской России показывает нам, что там были как этапы «борьбы» с прошлым, так и этапы его признания. Впрочем, это характерно и для Новой России, когда были сохранены некоторые прежние советские праздники – например, 1 Мая, 23 Февраля, 8 Марта, – хотя при этом активно переписывалось и переосмыслялось их идеологическое содержание. А на главный советский праздник 7 Ноября «наложили» праздник 4 Ноября. Таким образом, в народе сохранилось выражение «ноябрьские праздники», так же как «майские» (1 и 9 Мая) и «новогодние». В последнем случае добавилось официальное празднование Рождества на государственном уровне. Таким образом, некоторые праздники вышли из тени, а некоторые, наоборот, ушли в тень или полутень. То есть, как отмечалось выше, стали личным, частным делом человека или группы лиц.

Кстати говоря, когда автор настоящей статьи учился в школе, учительница истории, видимо, не очень в этой теме сведущая, прямо объясняла школьникам причину бедности людей в дореволюционной России тем, что тогда было слишком много церковных праздников. Иногда, по ее словам, в один день было по два таких праздника! В эти дни людям было запрещено работать, и якобы по этой причине они не могли зарабатывать на себе на жизнь и были очень бедны. Великая Октябрьская революция же, по ее словам, освободила людей от этого «ига церковных праздников», как и от ига церкви и попов вообще...

В советское время главный революционный праздник 7 Ноября, как отмечает А. С. Макашова, оказался перекодированием того же праздничного календаря, хотя его религиозный и прежний исторический смысл был практически вытеснен. Современная апелляция к событиям 1612 г. как прецедентным в государственной истории во многом обращена к исторической рецепции этих событий в начале XIX в., отсюда же идея народного единства (как и сама формулировка). В эпоху Наполеоновских войн эта формулировка была понята как единство всех сословий, а в современном праздничном нарративе – как единство национальностей и вероисповеданий. Современная работа по формированию культурной памяти о событиях 1612 г. идет по различным каналам: через систему общего образования, СМИ и создание новых литературных, публицистических и кинематографических произведений. Этот праздник был задуман как символ новой российской идентичности, но его содержание, призванное выразить эту абстрактную идею посредством конкретных исторических персонажей и событий, год от года претерпевает изменения. Признание широкой публикой этого праздника в качестве главного государственного, по мнению исследователей, трудно назвать успешным (Попова 2017: 16). И с этим, как мне кажется, нельзя не согласиться.

После крушения СССР произошел обратный процесс декоммунизации праздников. Как отмечалось выше, День Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября заменили Днем народного единства 4 ноября, который должен был вытеснить первый и «возместить» народу праздничные выходные дни. Вернули празднование Рождества, которое фактически совместили с празднованием Нового Года, добавив трудящимся выходные дни. В 1990 г. ввели 12 июня новый праздник – День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации. Его в просто-

народье называли «Днем независимости России» и часто отпускали по этому поводу ироничные и даже издевательские шутки. Например, как-то я услышал ироничный перифраз этого праздника: «День независимости российской власти от российского народа». В 2002 г. этот праздник переименовали в «День России». По идее, он должен был стать главным государственным праздником страны, его сделали выходным днем, в его честь директивно устраивали в российских городах концерты и народные гуляния. Но он, по моим ощущениям, так и не стал символом новой страны для многих наших граждан, а эмоционально-психологически даже стал восприниматься кем-то как символ разрушения Советского Союза.

Не менее важно отметить здесь эмоционально-психологический аспект праздника, на что оказывает прямое влияние его осмысление, легитимация в глазах граждан, внутреннее переживание ими события, связанного с этим праздником. Это имеет, между прочим, отношение к отмеченному выше принципу разделения «свой-чужой». Здесь мы можем увидеть как искреннее сопереживание и даже эмоциональное возбуждение, так и скептицизм, формально-равнодушное отношение к празднику и участию в его праздновании. Например, во времена СССР, в детсадовском возрасте и в начальных классах средней школы, я очень любил поначалу такие сильно идеологизированные праздники, как 7 Ноября и 1 Мая. Мне очень нравились красочные демонстрации, на которые меня брали с собой родители. Они были украшены транспарантами, флагами и разноцветными воздушными шарами. Последние я с большим удовольствием держал в руках и гордо нес в рядах демонстрантов. Помимо красоты шествия меня наполняло также чувство сопричастности к чему-то очень важному, значимому и величественному. А потом, после окончания праздничного шествия, я с не меньшей радостью нес эти красивые воздушные шары домой, где они олицетворяли для меня продолжение праздника до тех пор, пока не сдувались или не лопались. Радость от всего этого исчезла или поблекла после того, как в школе, в более старших классах, а затем и в мореходном училище в Ростове-на-Дону, где я потом учился, на демонстрации стали заставлять ходить в обязательном порядке. Еще более удручающе действовало на меня окончание демонстрации, когда мы, курсанты «мореходки», бросали, как дрова, в поджидающий нас грузовой автомобиль эти самые знамена и транспаранты, которые несли на демонстрации. Удручающе действовало потому, что я искренне верил тогда в идеи коммунизма. И верил

очень долго, вплоть до перестройки, когда мне было чуть больше 20 лет. Это подчеркивает сложность такого явления, как праздник, и отношения к нему. В моем случае была искренняя вера в событие, с этим праздником связанное, но осуждалась формально-ритуальная сторона организации праздника и отношение к нему других. Большинство людей воспринимали тогда советские праздники как дополнительные выходные дни, и их мало волновало идеологическое содержание таких дней. Хотя для кого-то праздничные демонстрации имели во время шествия на параде психоэмоциональное значение. Лично для меня это значение праздничные парады и демонстрации утратили уже во время учебы в школе, когда, как я уже говорил, нас стали принудительно гнать на них. Видимо, потому, что у меня это подавляло мое внутреннее чувство протеста.

Какие же государственные праздники России имеют для нас, граждан, основного населения страны, сейчас наиболее важное значение? На мой взгляд, это Новый Год (новогодние праздники) и День Победы 9 мая (майские праздники). Но и здесь мы можем наблюдать некую дифференциацию. Например, в первом случае для кого-то важнее встреча Нового Года, а для кого-то – празднование Рождества Христова. Не можем мы исключать также равное и равное отношение кого-то к тому и другому. Во втором случае, касательно майских праздников, более значим, конечно, День Победы 9 Мая. Хотя и здесь не исключена некая дифференциация, но, думаю, гораздо в меньшей степени, чем в первом случае. Как отмечает А. С. Макашова, День Победы представляет собой пример государственного праздника, в котором взаимодействуют героическая история и переживание исторической травмы, официальные версии военных событий и живая биографическая память. Благодаря такому сочетанию этот праздник актуален в обществе и является одним из самых эмоционально нагруженных государственных праздников современной России (Макашова 2014: 6).

Повышение роли и значения праздника 9 Мая на официальном уровне, выдвижение его на роль важнейшего общенародного праздника произошло именно в постсоветское время. Характерным признаком этого, например, был перенос парада на Красной площади (пусть и с трансформацией из гражданского в военный) с 7 ноября на 9 мая. Я даже слышал, что, когда шло обсуждение необходимости новой государственной идеологии России, кто-то предложил именно праздник 9 Мая и победу над нацистской Германией сделать государственной идеологией. Меня, разумеется, тогда удивила

крайняя нелепость и абсурдность такого предложения совместить вещи, находящиеся в разных социально-политических, идеологических плоскостях и даже измерениях. Хотя, разумеется, 9 Мая как праздник является фактором сплочения и консолидации нации. Но именно как праздник и памятная дата, а не идеология! Кстати говоря, до сих пор достоверно неизвестно, почему И. В. Сталин не любил этот праздник (точнее, при нем, – памятную дату!), а праздничным выходным днем он стал только при Л. И. Брежневе. Сейчас День Победы дополняется все новыми акциями и элементами. Например, акциями «Георгиевская ленточка» и шествием «Бессмертный полк»...

Что касается празднования Нового Года, мы можем здесь наблюдать, как во время перестройки, еще во время существования СССР, происходило перекодирование и переосмысливание советских праздников и возрождение прежних, досоветских, например Рождества Христова. Его стали праздновать наряду с Новым Годом. Во время перестройки я как-то сказал коллегам по работе, что большевики после прихода к власти запретили празднование Нового Года и новогоднюю елку, точнее, правильнее будет сказать, празднование Рождества и рождественскую елку. Один из старших товарищей возмущенно мне возразил, что Ленина на открытках и рисунках в детских книжках постоянно изображают играющим с детьми возле елки. При этом он пребывал в полной уверенности, что этим своим доводом полностью опроверг мое высказывание. Мое утверждение было основано на информации, которую я почерпнул из официальных центральных газет, где стали много писать о реалиях советской жизни не только современных, но и исторических, о том, что ранее не афишировалось и запрещалось. Большевики «вернули» детям (и не только детям!) елку уже в 1930-е гг., заменив празднование Рождества празднованием Нового Года, а рождественскую елку назвали новогодней, заменив Вифлеемскую звезду на вершине украшенной елки красной пятиконечной звездой, совершив таким образом замещение / вытеснение одного праздника другим на государственном уровне. Как отмечает В. Н. Попова, если советская власть во многом строила свою культурную политику на отрицании роли церкви и религии в целом, то сейчас мы наблюдаем обратный процесс: сближение церкви и государства и, в ряде случаев, даже опору государства на церковь, что должно символизировать традицию и культурно-историческую преемственность. В советскую эпоху создавался новый вектор исторического

отсчета, основанный на отрицании и забвении предшествующей эпохи (царской России), а в начале 2000-х гг. возникла противоположная тенденция. Так, сейчас все больше говорится о необходимости возвращения к традиционным (православным) ценностям, истокам русской культуры (Попова 2017: 54).

Например, в 2008 г. в России был официально утвержден новый праздник – День семьи, любви и верности, приуроченный ко дню почитания святых Петра и Февронии (8 июля). Этот праздник позиционируется как обращение к истокам, к традиционным ценностям, направлен на решение актуальных социальных проблем и позитивно принимается широкой общественностью, практически не вызывает дискуссий. Вместе с тем государствообразующее содержание исторической основы этого праздника широкой общественности не очевидно. Отправной точкой анализа послужила убедительная, по мнению А. С. Макашовой, гипотеза М. Б. Плюхановой о том, что в основе почитания святых Петра и Февронии лежит не народная или религиозная традиция, а художественное произведение, созданное в конкретных исторических условиях и имевшее религиозно-политическую задачу («Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма, XVI в.). Основной задачей Повести было изложение на языке притчи символов и образов богословского теократического идеала, выраженного в двух основных сюжетах – Змеборчества и Премудрости. Возрождение сюжета о Петре и Февронии, наполнение его новыми смыслами, которые подчеркнута апеллируют к православной традиции, призвано поддержать институт семьи и претендует на символический шаг восстановления истоков. Важнейшим толчком для использования житийного сюжета в качестве исторической основы нового праздника стало изменение социальной политики государства в сторону поддержки семьи. Спустя два года после принятия Программы по поддержке рождаемости в 2006 г. был введен этот новый праздник (Макашова 2014: 18–19).

Помимо него, появились также другие новые праздники России, имеющие социальное значение, например День отца, День матери. А также значение политическое – День воссоединения с новыми регионами (30 сентября). Сохранились профессиональные праздники: День учителя, День строителя, День бухгалтера и др. Военские праздники: День танкиста, День ВДВ, День пограничника, День ВМФ. Большинство из них связаны с определенным воскресным днем недели.

Таким образом, в настоящее время при всей формализации праздников, их секуляризации, лишении сакрального религиозного смысла они продолжают выполнять важные социально-политические функции, восходящие к далекой древности. Например, интегральную – в плане консолидации общества, дифференциальную – то есть разделения и опознавания людей по принципу «свой-чужой» и т. д. Главной функцией государственных праздников, на мой взгляд, является сближение людей разных вероисповеданий и национальностей, укрепление дружбы между ними, формирование, таким образом, единой государственной нации. Как показано в данной статье, во времена перемен праздники являются особым индикатором социально-психологического состояния общества, а также важным показателем и выразителем государственной идеологии. В XX в. за достаточно короткое по историческим меркам время в России такие перемены произошли дважды: во время и после революций 1917 г. и во время и после развала Советского Союза в 1991 г., когда происходило вытеснение и замещение одних праздников другими с приданием им обновленного смысла, а также появилась необходимость в новых праздниках и забвении старых.

Литература

Ванченко, Т. П. 2008. Семантика массового праздника. *Вестник ТГУ* 3(59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-massovogo-prazdnika>.

Лаврикова, И. Н. 2015. *Политический праздник: культурфилософский анализ*: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М.

Макашова, А. С. 2014. *Государственные праздники в современной культуре России: рецепция исторического наследия*: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.

Маринович, Л. П. 1998. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология. В: Маринович, Л. П. (отв. ред.), *Человек и общество в античном мире*. М.: Наука, с. 295–362.

Попова, В. Н. 2017. *Праздник как социокультурный феномен*: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.